

Баталист Шуан

1

Путешествовать с альбомом и красками, несмотря на револьвер и массу охранительных документов, в разоренной, занятой пруссаками стране -- предприятие, разумеется, смелое. Но в наше время смельчаками хоть пруд пруди.

Стоял задумчивый, с красной на ясном небе зарей -- вечер, когда Шуан, в сопровождении слуги Матиа, крепкого, высокого человека, подъехал к разрушенному городку N. Оба совершали путь верхом.

Они миновали обгоревшие развалины станции и углубились в мертвую тишину улиц. Шуан первый раз видел разрушенный город. Зрелище захватило и смутило его. Далекой древностью, временами Аттилы и Чингисхана отмечены были, казалось, слепые, мертвые обломки стен и оград.

Не было ни одного целого дома. Груды кирпичей и мусора лежали под ними. Всюду, куда падал взгляд, зияли огромные бреши, сделанные снарядами, и глаз художника, угадывая местами по развалинам живописную старину или оригинальный замысел современного архитектора, болезненно щурился.

-- Чистая работа, господин Шуан, -- сказал Матиа, -- после такого опустошения, сдается мне, осталось мало охотников жить здесь!

-- Верно, Матиа, никого не видно на улицах, -- вздохнул Шуан. -- Печально и противно смотреть на все это. Знаешь, Матиа, я, кажется, здесь поработаю. Окружающее возбуждает меня. Мы будем спать, Матиа, в холодных развалинах. Тес! Что это?! Ты слышишь голоса за углом?! Тут есть живые люди!

-- Или живые пруссаки, -- озабоченно заметил слуга, смотря на мелькание теней в грудах камней.

2

Три мародера, двое мужчин и женщина, бродили в это же время среди развалин. Подлое ремесло держало их все время под страхом расстрела, поэтому ежеминутно оглядываясь и прислушиваясь, шайка уловила слабые звуки голосов -- разговор Шуана и Матиа. Один мародер -- "Линза" -- был любовником женщины; второй -- "Брелок" -- ее братом; женщина носила прозвище "Рыба", данное в силу ее увертливости и жалости.

-- Эй, дети мои! -- прошептал Линза. -- Цыть! Слушайте.

-- Кто-то едет, -- сказал Брелок. -- Надо узнать.

-- Ступай же! -- сказала Рыба. -- Поди высмотри, кто там, да только скорее.

Брелок обежал квартал и выглянул из-за угла на дорогу. Вид всадников успокоил его. Шуан и слуга, одетые по-дорожному, не возбуждали никаких опасений. Брелок направился к путешественникам. У него не было еще никакого расчета и плана, но, правильно рассудив, что в такое время хорошо одетым, на сытых лошадях людям немислимо скитаться без денег, он хотел узнать, нет ли поживы.

-- А! Вот! -- сказал, заметив его, Шуан. -- Идет один живой человек. Поди-ка сюда, бедняжка. Ты кто?

-- Бывший сапожный мастер, -- сказал Брелок, -- была у меня мастерская, а теперь хожу босиком.

-- А есть кто-нибудь еще живой в городе?

-- Нет. Все ушли... все; может быть, кто-нибудь... -- Брелок замолчал, обдумывая внезапно сверкнувшую мысль. Чтобы привести ее в исполнение, ему требовалось все же узнать, кто путешественники.

-- Если вы ищете своих родственников, -- сказал Брелок, делая опечаленное лицо, -- ступайте в деревушки, что у Милета, туда потянулись все.

-- Я художник, а Матиа -- мой слуга. Но -- показалось мне или нет -- я слышал невдалеке чей-то